

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

Е. Ю. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Общественная опасность преступления и ее отражение в составе преступления

Резюме. Дискуссия об общественной опасности преступления выступает значимым компонентом уголовно-правового дискурса, который существенно актуализирован в связи с критикой текущей криминализационной практики. В его содержании, однако, остро не хватает прикладных исследований, ориентированных на перевод высоких политологических и социологических обобщений на язык права. В этих целях необходимым дополнением к дискуссии должен стать вопрос об отражении общественной опасности в составе преступления — инструментальной категории, связанной с определением основания уголовной ответственности. Анализ показывает, что современный уголовный закон и практика его применения не придерживаются строго какой-либо одной из двух представленных в доктрине концепций состава: реальной или нормативной. Это затрудняет согласованное применение уголовного и уголовно-процессуального законов, а также создает теоретические сложности в интерпретации состава преступления. Исходя из результатов текстологического анализа УК РФ, исследования практики конституционного толкования норм УПК РФ, текущей практики судов общей юрисдикции и результатов научных дискуссий, автор статьи дает характеристику современного состояния проблемы отражения в законе признаков общественной опасности преступления и определяет перспективы ее решения.

Ключевые слова: преступление; состав преступления; концепция реального состава преступления; нормативистская концепция состава преступления; основание уголовной ответственности; общественная опасность деяния; малозначительность деяния; целесообразность уголовного преследования; прекращение уголовного преследования; законность; справедливость; разделение властей

Для цитирования: Пудовочкин Е. Ю. Общественная опасность преступления и ее отражение в составе преступления. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 97–112. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

The Social Danger of Crime and its Reflection in the Body of a Crime

Yury E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The discussion about the social danger of crime is an important component of the criminal law discourse, which has significantly been updated in connection with the criticism of current criminalization practice. However, its content is sorely lacking in applied research aimed at translating high political science and sociological generalizations into the language of law. To this end, the issue of reflecting public danger in the body of a crime, an instrumental category related to determining the basis of criminal liability, should be a necessary addition to the discussion. The analysis shows that modern criminal law and the practice of its application do not strictly adhere to any one of the two concepts of composition presented in the doctrine: real or normative. This creates significant difficulties in the coordinated application of criminal and criminal procedure laws, as well as creates theoretical difficulties in interpreting the corpus delicti. Based on the results of a textual analysis of the Criminal Code of the Russian Federation, a study of the practice of constitutional interpretation of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the current practice of courts of general jurisdiction and

© Пудовочкин Е. Ю., 2025

the results of scientific discussions, the paper describes the current state of the problem as to indication of the signs of public danger of crime in the law and identifies the prospects for its solution.

Keywords: crime; body of crime; concept of the real body of crime; normative concept of body of crime; basis of criminal responsibility; public danger of the act; insignificance of the act; expediency of criminal prosecution; termination of criminal prosecution; legality; justice; separation of powers

Cite as: Pudovochkin YuE. The Social Danger of Crime and its Reflection in the Body of a Crime. *Lex Russica*. 2025;78(5):97-112. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.097-112

Введение

Общественная опасность преступления и состав преступления — две фундаментальные категории уголовного права. Будучи соотносительными с характеристиками основания уголовной ответственности, они позволяют решить едва ли не весь комплекс вопросов, связанных с уголовно-правовым нормотворчеством и правоприменением, а заложенные в основание большей части уголовно-правовых институтов — требуют их системного согласования на единой методологической платформе, определяющей соотношение опасности и состава. В современных условиях кардинальной трансформации уголовной политики государства, которая характеризуется, среди прочего, обострением внутренних противоречий между стремительно нарастающей законодательной криминализацией, с одной стороны, и увеличивающимися объемами судебной депенализации — с другой, заявленные категории, их понимание в законодательной и правоприменительной практике приобретают особую значимость. Свидетельством активизации интереса к данной проблеме может служить опыт ее обсуждения на многих научных форумах, организуемых в последние годы, а также появление целого ряда интересных и содержательных научных текстов.

Однако, несмотря на сотни выступлений и тысячи страниц, посвященных опасности преступления и составу преступления, проблема их взаимного отношения как исходная точка уголовно-правового регулирования не решена в полной мере. По этой причине обращение к заявленной теме видится вполне оправданным, тем более что вниманию профессионального читателя предлагается дополнительная попытка осмысления вполне определенного аспекта общей проблемы опасности и состава, а именно их связи, предполагающей отражение общественной опасности преступления в составе преступления.

Обсуждение проблемы связи опасности и состава может иметь смысл лишь при допуще-

нии того, что и сама общественная опасность, и состав преступления являются необходимыми компонентами уголовно-правовой теории и практики. По этой причине в последующем изложении мы по необходимости уделим некоторое внимание этой проблеме с тем, чтобы впоследствии на основе аналитического обобщения научных источников, законодательных предписаний и судебных правовых позиций представить некоторое модельное видение возможных вариантов ее решения.

Общественная опасность преступления

Полемика по вопросу общественной опасности ведется давно. Основной повод для критики создают два широко распространенных в науке суждения. Во-первых, это понимание общественной опасности как объективного свойства деяния причинять или создавать угрозу причинения вреда. Во-вторых, это убежденность в том, что общественная опасность деяния является либо единственным, либо основным критерием криминализации. В ситуации, когда Уголовный кодекс пополняется предписаниями об ответственности за деяния, опасность которых не является очевидной, каждое из этих суждений оказывается под ударом критики.

Своего апогея она достигает в утверждениях о том, что опасность — это искусственный конструкт, что нет ни одного деяния, по природе своей обладающего опасностью, что криминализация продиктована исключительно политической волей законодателя. Последовательно аргументирует это воззрение Я. И. Гилинский: «Объективные основания криминализации многих деяний отсутствуют. Привычное обращение к “общественной опасности” малопродуктивно, поскольку трудно однозначно определить, что такое “общественная опасность” и с чьей точки зрения (каких “фрагментов” общества) ее надо определять. Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как порождение власти в целях

ограничения иных, не аффилированных с властью индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть»¹.

Сдержанная критика общественной опасности наблюдается в рассуждениях специалистов, которые, не исключая ценности данной категории, выводят ее за пределы уголовного права (либо в целом, либо как минимум за пределы процесса применения уголовно-правовых норм). Не претендуя на систематический анализ исследовательских позиций, можно, пожалуй, без боязни ошибиться представить абрис такого подхода:

— общественная опасность — это возможность негативных изменений, последствий, возможность причинения вреда обществу. Констатировать общественную опасность преступления можно только, если мы ведем речь о теоретическом понятии преступления или о его законодательной формуле. Реализация заложенной в общественной опасности деяния угрозы означает, что угроза миновала и опасности уже нет, она реализована²;

— опасность — категория возможности. Если вред уже наступил, то правильнее было бы говорить не об опасности совершенного действия, а о его общественной вредности, о тяжести преступления³;

— преступления в ряду иных правонарушений выделяются в первую очередь степенью вредности. Высокая степень вредности порождает новое качество — общественную опасность, лежащую, однако, за пределами общественной вредности как таковой, поскольку сама вредность при этом выступает только предпосылкой появления общественной опасности⁴;

— общественная опасность — категория социальная, а не уголовно-правовая. Ее необходимо искать за пределами уголовного права как совокупности правовых норм, то есть учитывать обстоятельства, находящиеся за рамками состава преступления⁵;

— включение столь дискуссионного признака, как общественная опасность, в дефиницию формального понятия «преступление» для обеспечения ее стабильности и содержательной ясности нецелесообразно⁶.

Эти рассуждения интересны и значимы. Если не считать, что речь идет только о терминологическом уточнении используемых уголовно-правовой наукой понятий, о замене «общественной опасности» «вредностью», то очевидно, что ключевой характеристикой совершенного преступления авторы признают не его опасность, а причиненный вред. Предполагается, видимо, что вред — категория объективная и неполитизированная, в отличие от опасности, а потому установление вреда признается задачей, сильной для правоприменителя, не такой как оценка общественной опасности вредоносного деяния, которая перекладывается на плечи законодательного органа.

Вместе с тем представления об объективных и неполитизированных характеристиках вреда, на наш взгляд, недостаточно убедительны. Вред — это не просто последствия, не просто изменения в охраняемом уголовным законом объекте. Вред — это изменения всегда негативные. И данный факт сам по себе с необходимостью предполагает использование оценочных суждений для характеристики вреда и его измерения. Умышленно или по неосторожности был причинен вред, с какой целью причинен, при каких обстоятельствах, какими действиями, кем, какие ценности пострадали, насколько? Эти и иные вопросы необходимо поставить и решить, чтобы охарактеризовать причиненный преступлением вред. В итоге вредоносность деяния из формально-объективной характеристики преступления вновь становится оценочной, причем уже не только на уровне абстрактного (возможного), но и на уровне конкретного (реально совершенного) деяния. Без оценки фактически причиненного вреда решить вопросы, связанные с реализацией уголовной

¹ Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2024. С. 155, 181–181.

² Лопашенко Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 127–138.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. С. 99.

⁴ Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 155.

⁵ Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. С. 59.

⁶ Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 420.

ответственности, невозможно, даже если отказаться от категории общественной опасности в формулировке общего понятия преступления. Выставленная за дверь категория общественной опасности, пусть и в другом словесном обличье, вновь проникает в уголовное право, теперь уже через окно. В том числе по этой причине видится нецелесообразным отказ от самой категории общественной опасности преступления в уголовно-правовом дискурсе.

Проблема же в том, что в теоретической интерпретации общественной опасности гиперболизируются ее объективные характеристики в ущерб восприятию опасности в качестве категории оценочной. Убежден, что общественная опасность — не столько свойство самого деяния (и потенциально возможного, и реально совершенного), сколько результат оценки его различных свойств и признаков. Основное функциональное предназначение такой оценки — обособить группу деяний для целей их включения в корпус уголовно наказуемых (когда речь идет об оценке потенциально возможных деяний законодателем) либо установить, заслуживает ли деяние уголовно-правовой реакции (когда речь идет об оценке фактически совершенного деяния правоприменителем).

На оценку опасности деяний влияет великое множество факторов. Это прежде всего историческая ситуация, политическая, экономическая, социальная и т.д. обстановка в стране. Кроме того, особенности субъекта оценки: на уровне властных органов — его принадлежность к парламентским, судебным, правоохранительным структурам; на индивидуальном, личностном уровне — его опыт, возраст, образование, политические, мировоззренческие и прочие установки. Зависимость оценки деяния от внешних по отношению к деянию факторов позволяет констатировать такое ее значимое свойство, как контекстуальность⁷.

На контекст оценки опасности криминализируемых деяний неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, отмечая, что:

— законодатель определяет содержание положений уголовного закона, учитывая степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств⁸;

— в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма⁹.

Не игнорируется значимость контекста и для оценки реально совершенных деяний. Уголовный закон и практика его применения прямо это подтверждают. Например, статья 80.1 УК РФ позволяет освободить лицо от наказания, если совершенное им деяние перестало быть общественно опасным ввиду изменения обстановки, тем самым признавая наличие опасности деяния в одном контексте (при его совершении) и ее отсутствие — в другом (при рассмотрении дела в суде). Учет контекста совершения деяния предписан и постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, в котором отмечено, что, оценивая характер и степень общественной опасности действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, следует учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих эту аудиторию¹⁰. Все эти признаки характеризуют как раз контекст совершения деяния, но не само деяние.

⁷ См. об этом, например: *Мирошниченко Д. В.* Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 10. С. 59–76.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2005. № 4.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2017. № 2.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2011. № 8.

Подключение категории «контекст» для оценки деяния как общественно опасного — сложная аналитическая процедура, требующая включения в орбиту рассуждений широкого круга факторов, соотносимых с обстановкой (условиями) совершения деяния и личностью деятеля. Основная трудность состоит в том, что «личность» и «обстановка» — понятия, которые с большой натяжкой можно, если вообще можно, назвать уголовно-правовыми. Это предмет исследования иных наук, прежде всего криминологии, криминальной психологии, уголовной социологии, уголовной политологии. О том, что эти науки у нас не развиты (или, выражаясь аккуратней, не развиты в должной степени), можно лишний раз не говорить. Но факт остается фактом: как отрасль научного знания ни уголовная социология, ни уголовная политология не институционализированы. Криминология — исключение, хотя сегодня, кажется, сделано всё для ее деинституционализации. Поэтому мы не располагаем ни необходимыми знаниями, ни механизмом перевода этих знаний в сферу уголовно-правовой догматики¹¹, ни адекватными нормативными и теоретическими конструкциями, позволяющими учесть контекст при оценке общественной опасности деяния.

Уголовное право сегодня развивается как знание о нормах права. Любая исследовательская попытка выйти за пределы нормы права встречает серьезные препятствия либо в виде отсутствия профессиональных навыков для изучения материала, не относимого к норме права и ее применению, либо в виде отсутствия нужной информации в смежных областях знания. Попытки компенсации нехватки знаний в виде использования социологических методов в уголовном праве (на что, вероятно, был серьезный расчет в 60-х гг. прошлого столетия) остаются слабыми и малорезультативными. Печальным итогом на этом фоне выглядит явное или подспудное желание некоторых представителей уголовно-правовой науки отмахнуться от категории общественной опасности вовсе, изъять проблематику опасности из отраслевого дискурса, а само это слово — из тезауруса науки. Такие попытки, думается, должны восприни-

маться не иначе как свидетельство раздраженной беспомощности.

Именно в современных условиях нарастающей сверхпунитивности и сверхкриминализации (явления не сугубо российского, а интернационального¹²), в условиях активизации призывов к «тотальной чистке» уголовного закона потребность в адекватном фильтре, сквозь который необходимо пропустить весь комплекс уголовно-правовых предписаний об ответственности за те или иные деяния, становится особенно острой. Конечно, на роль такого фильтра могут претендовать различные концепты — от аморальности до политической целесообразности. Но едва ли общество в целом и профессиональный правоприменитель как его часть будут удовлетворены результатами применения их «очищающих способностей». Именно общественная опасность криминализированных и фактически наказываемых в уголовно-правовом порядке деяний, при всех сложностях ее понимания, может, на наш взгляд, выступать вполне надежным критерием оценки разумности, справедливости и адекватности как уголовного закона, так и в целом реализуемого в стране уголовно-политического курса.

Состав преступления

Понятие состава преступления прочно вошло в доктрину уголовного права, являясь, без преувеличения, ядром учения о преступлении. Между тем любое устоявшееся понятие время от времени, а лучше сказать — постоянно, нуждается в дополнительном осмыслении с тем, чтобы в зависимости от результатов этого осмысления сохранить, скорректировать или отказаться от него.

На состав преступления покушаются очень немногие исследователи. Пожалуй, наиболее последовательным его критиком выступает А. П. Козлов, который отмечает нецелесообразность использования данной категории в науке и на практике¹³. Не имея намерения детально анализировать эту позицию, отмечу, что, по моему разумению, попытку автора отказаться от категории «состав преступления» в пользу кате-

¹¹ См. об этом: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девiantiологический журнал. 2021. № 1. С. 137–150.

¹² Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York : Oxford University Press, 2008.

¹³ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 174–192 ; Он же. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 142–144.

гории «структура преступления» нельзя назвать в полной мере удачной. Структура преступления в его понимании — это набор элементов, которые в совокупности образуют общественно опасное, противоправное и виновное деяние. Мысль понятна. Но сущностные отличия этих констатаций от того, что писал А. Н. Трайнин про состав преступления в 1946 г., — не вполне. «Состав преступления, — указывал он, — всегда есть общественно опасное действие»; «элементом состава является каждый фактический признак, определяющий наличие и степень социальной опасности предусмотренного законом преступления»¹⁴. Как ни старайся, различий не найти. А. П. Козлов всё так же анализирует и объект, и объективную сторону, и субъективную сторону, и субъекта преступления, предлагая лишь иную компоновку этих элементов (которая, кстати, известна и сторонникам категории «состав преступления») и не называя их элементами состава преступления.

Содержательных аналогов категории «состав преступления» наука не предложила. Да это вряд ли необходимо, учитывая, что данная категория вполне справляется со своей ролью упорядочивать, систематизировать, отражать, закреплять, демонстрировать такие признаки деяния, минимальный набор которых требуется для признания его в качестве преступного.

В современной российской науке существуют две основные (конкурирующие) концепции состава преступления: состав как реальность и состав как нормативная конструкция¹⁵. В рамках настоящей публикации не предусмотрено проведение их сравнительного анализа. Наша задача будет состоять в ином: во-первых, попытаться понять, как отражены (если отражены) эти концепции в законе и на практике; во-вторых, продемонстрировать, как эти концепции соотносятся с признаками общественной опасности и противоправности деяния; в-третьих, установить связь концептуального понимания

состава преступления с представлением об основании уголовной ответственности; в-четвертых, выяснить, кто является «конструктором» состава преступления. Именно такой, сквозной анализ, предполагающий исследование связи состава преступления с базовыми характеристиками уголовно-правового регулирования, сегодня необходим не только для дополнительной легитимации самой категории состава, но и для обеспечения системного развития уголовно-правовой практики на основе последовательного и непротиворечивого отражения в ней строго определенной концепции состава преступления.

Состав преступления в законе и на практике

Ни законодатель, ни правоприменитель не заявляют прямо о своих теоретических предпочтениях (в этом их едва ли можно упрекнуть), а уголовно-правовая практика, как показывает опыт, вполне может комбинировать или произвольно использовать для решения собственных задач различные теоретические конструкции. Поэтому попытки выяснить, какая именно из двух конкурирующих концепций состава преступления отражена сегодня в уголовном законе и какой из них придерживается правоприменитель, могут восприниматься как безнадёжные или малоубедительные в своих итогах. И тем не менее такой поисковый опыт важен, хотя бы в качестве отправной точки для последующих рассуждений.

Текстуальный анализ УК РФ свидетельствует, что понятие «состав преступления» в интересующем нас контексте используется 32 раза (по состоянию на 11 ноября 2024 г.): три раза при описании общих положений об ответственности (ст. 8, 29, 31), два раза при описании признаков отдельных составов преступлений (ст. 116.1 и 171.5), 27 раз при описании условий освобо-

¹⁴ Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. С. 36, 64.

¹⁵ Известность, кстати, может сыграть с исследователями злую шутку, поскольку в анализе любой проблемы надо не полагаться на «известность» ее решений, а постоянно держать под рукой ранее высказанные позиции. К сожалению, в литературных источниках рассуждения о составе преступления часто ограничиваются ритуальными ссылками на некоторые сочинения, но не происходит творческого развития ранее представленных концепций. Навскидку вспоминается только несколько статей Н. Е. Крыловой, в которых предпринята творческая попытка развить учение Н. Ф. Кузнецовой о составе преступления: Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2012. № 4. С. 26–43 ; Она же. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 6. С. 15–28.

ждения от уголовной ответственности (ст. 76.1 и примечания к ст. 110.2, 126, 127.1, 145.1, 178, 195, 205 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 275, 275.1, 281.1, 281.2, 281.3, 282.1, 282.2, 282.3, 322, 322.2, 322.3).

В некоторых случаях закон говорит о *деянии*, содержащем или не содержащем состав преступления, в других — не о деянии, а о *действиях*. Иногда говорится о деянии, содержащем или не содержащем *признаки состава* преступления, иногда — о деянии, содержащем *состав* преступления. Эти отличия нуждаются в отдельном анализе, проведение которого не вписывается в наши исследовательские задачи.

Главное, на что в нашем случае надо обратить внимание, — это слово «содержит». На него указывала еще Н. Ф. Кузнецова. «Деяние содержит состав преступления» — вот базовая законодательная формула. Смеем предположить, что она в большей степени тяготеет к концепции реального состава, которая рассматривает состав как часть преступления, как то, что находится «внутри преступления, содержится в нем, образует его ядро. Будучи частью преступления, состав при таком его понимании выражает собой набор элементов деяния, необходимый и достаточный для привлечения к уголовной ответственности, поскольку этот набор выражает достаточный объем общественной опасности содеянного. Состав преступления — это система обязательных объективных и субъективных элементов деяния, «образующих его общественную опасность»», — писала Н. Ф. Кузнецова¹⁶.

Четкая связь состава преступления и общественной опасности — значимая характеристика рассматриваемой концепции. Если деяние содержит состав преступления, то оно общественно опасно. И наоборот, если в деянии не содержится состав преступления, то оно не представляет общественной опасности. Пожалуй, эту логику можно констатировать в современной практике уголовно-правовой оценки малозначительных деяний, когда именно отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) служит основанием для прекращения уголовного дела.

Концепция реального состава возлагает на правоприменителя сверхважную задачу: установить в фактически совершенном деянии общие (указанные в ст. 14 УК РФ) и специальные (отраженные в диспозиции статей Особенной части УК РФ) признаки и только на этой основе сформулировать самостоятельный вывод о том, что такое деяние является, с одной стороны, описанным в законе, а с другой — настолько опасным, что требует уголовно-правовой реакции. Вывод этот звучит как наличие в деянии состава преступления. На правоприменителя, таким образом, лежит обязанность по оценке общественной опасности деяния, прежде всего для решения вопроса о том, имеются ли основания для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Именно эта сверхактивная роль правоприменителя всегда оставалась слабым местом, создающим повод (иногда необоснованный) для критики рассматриваемой концепции, поскольку таковая, в принципе, создавала предпосылки для реализации составоконстатирующей функции правоприменителя даже при отсутствии описания специальных признаков преступления в статьях Особенной части УК РФ и в этом отношении оказывалась вполне пригодной для применения уголовного закона в условиях наличия в нем института аналогии.

Опыт правоприменительного «додумывания» признаков состава преступления имеется и сегодня, в условиях провозглашения формальной законности (ст. 3 УК РФ). Например, не чем иным, как судебным дополнением признаков состава незаконного проникновения в жилище, можно считать признание преступным лишь такого факта проникновения, которое было продиктовано неизвинительными мотивами¹⁷; дополнением признаков состава кражи можно считать установление существенности причиненного вреда¹⁸; дополнением признаков состава незаконного производства средств для негласного получения информации можно считать установление цели применить соответствующие предметы в качестве средства посягательства на конституционные права граж-

¹⁶ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Городец, 2007. С. 11.

¹⁷ Апелляционный приговор Верховного Суда Республики Алтай от 28.06.2018 по делу № 22-427/2018.

¹⁸ См. обзор практики по этому вопросу: Жилкин М. Г., Качалов В. В., Раненкова Е. А. Судебная практика квалификации кражи в незначительном размере как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 12. С. 10–20.

дан¹⁹. Приводя эти примеры, мы меньше всего склонны критиковать практику. Важно иное: в поиске общественной опасности деяния суды выходят за пределы установления признаков, непосредственно описанных в законе, и включают в число признаков состава преступления те характеристики деяния, которые, не будучи описанными в законе, позволяют оценить деяние как опасное.

Именно на волне оспаривания этих полномочий, очевидно, развивалась вторая — нормативистская концепция понимания состава преступления как совокупности признаков преступления, исчерпывающе описанных законодателем. Она была призвана подчеркнуть приоритетную роль именно закона, а не правоприменителя в установлении основания уголовной ответственности. Важно, что в рамках данной концепции признаки состава оказались в известной степени оторванными от признаков преступления, зафиксированных в ст. 14 УК РФ, и прежде всего от признака общественной опасности. Состав преступления стал в большей степени ассоциироваться с признаком противоправности деяния: то, что соответствует признакам состава, является противоправным, а противоправность является собой выражение, закрепление общественной опасности. Отсюда задача правоприменителя: не вторгаясь в обсуждение обоснованности законодательной оценки деяния как опасного, сконцентрироваться на установлении его противоправности с тем, чтобы любое деяние, подпадающее под признаки, установленные в законе, воспринимать в качестве основания уголовной ответственности. Думается, что именно в этом заключается весь пафос нормативистской концепции состава преступления.

Однако возникает устойчивое ощущение, что на практике складывается несколько иная ситуация. Для ее исследования необходимо понять конституционную логику уголовного процесса, проявляющую себя прежде всего в решении вопросов, связанных с выбором осно-

вания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Конституционный Суд РФ сформулировал несколько значимых позиций, имеющих прямое отношение к рассматриваемой нами проблеме.

Во-первых, он указал, что обсуждение вопроса о составе преступления возможно только при доказанности факта наличия общественно опасного деяния. «Лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о *наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления*, возможна дальнейшая правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности»²⁰.

Это суждение представляется важным, поскольку констатация отсутствия самого события деяния означает прекращение поиска причастных к нему лиц. Причинения вреда либо не было вовсе (например, когда потерпевший сознательно или ненамеренно предполагает причинение ему вреда чьими бы то ни было действиями), либо причиненный вред причинно не связан с поведением человека (например, когда какое-либо имущество было утеряно виновным, но не похищено либо когда вред был причинен не деянием, а иными причиняющими силами, скажем природными факторами). Если же будет констатировано наличие деяния, то есть установлен предмет уголовно-правовой оценки, то прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления может косвенно свидетельствовать о наличии у деяния признаков состава иного (не уголовного) правонарушения, что требует соответствующей правовой реакции со стороны государства.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ отметил, что обсуждение вопроса о составе преступления возможно только при доказанности факта причастности конкретного лица к совершенному общественно опасному деянию.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой» // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 3044.

Прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления «предполагает предварительное подтверждение доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния»²¹.

Это обстоятельство значимо и с практической точки зрения. «В соответствии с ч. 3 ст. 306 УПК РФ в случае вынесения оправдательного приговора, постановления или определения о прекращении уголовного преследования по основанию, предусмотренному пунктом 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления), а также в иных случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, суд решает вопрос о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»²². Понятно, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования за отсутствием состава преступления в ситуации, когда не установлены причастные к нему лица, блокирует возможность дальнейшего поиска причастных к причинению вреда лиц, что создает угрозу для конституционных прав граждан и правопорядка в целом.

Таким образом, состав преступления может быть установлен только в конкретных опасных действиях конкретного лица. Уже исходя из этого, надо говорить о том, что опасность деяния как его объективная характеристика существует до и вне зависимости от того, имеются ли в этом деянии признаки состава преступления и вообще предусмотрено ли это деяние в качестве уголовно-противоправного в законе. Общественная опасность деяния первична по отношению к составу. Это общепризнанный (хотя и оспариваемый) постулат уголовно-правовой доктрины.

Деяние может быть опасным вне зависимости от того, соответствует оно или не соответствует признакам состава. По этой причине, в частности, уголовное преследование лиц, не достигших возраста уголовной ответственности или невменяемых на момент совершения деяния, прекращается за отсутствием состава преступления, хотя констатация отсутствия состава не меняет общественно опасной природы самого деяния. В одном из решений Верховный Суд РФ прямо указал: «...Суть совершенного деяния как общественно опасного и запрещенного уголовным законом не претерпевает изменений в зависимости от того, были ли к лицу применены принудительные меры медицинского характера или нет, например по причине наступления его смерти или вследствие признания этого лица не нуждающимся в принудительном лечении»²³.

Вместе с тем установление признаков состава преступления в деянии, согласно логике Конституционного Суда РФ, еще не гарантирует того, что такое деяние общественно опасно именно в силу его соответствия составу, что в поведении лица имеется основание уголовной ответственности.

«...Как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности *не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ*, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления. <...> *Выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным*, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование»²⁴.

Такая логика уголовного процесса, по сути, дает основание полагать, что наличие состава

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 5043.

²² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.08.2024 по делу № 74-УДП24-9-К9.

²³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 по делу № 9-УД23-16-А4.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Демешкиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

преступления в деянии не является основанием ответственности, как это определяется статьей 8 УК РФ. Установление закрепленных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК РФ признаков *служит предпосылкой для правильной квалификации содеянного*²⁵, но само по себе не приводит к выводу о наличии основания уголовной ответственности. Задолго до решения Конституционного Суда РФ об этом писал В. И. Михайлов: «Состав преступления не предназначен для определения наличия или отсутствия преступления при совершении вредоносного деяния. Его служебная роль иная — определять, какое именно преступление совершено»²⁶.

Анализ приведенных позиций создает двойственное впечатление. С одной стороны, Конституционный Суд РФ исходит из того, что признаки состава преступления исчерпывающим образом описаны законодателем в законе. Это очевидное признание положений нормативистской концепции состава преступления. Но в то же время, вопреки положениям этой концепции, Суд признает, что противоправное деяние (то есть деяние, соответствующее признакам состава) вовсе не обязательно является общественно опасным, что признаки опасности деяния должны быть дополнительно установлены правоприменителем. В этом есть некая отсылка к теории реального состава преступления, хотя Конституционный Суд РФ прямо и не признает, что основание уголовной ответственности устанавливается самим правоприменителем. В итоге складывается парадоксальная ситуация, наглядно демонстрируемая опять же практикой прекращения уголовных дел по малозначительным деяниям, когда, прежде чем прекратить дело за отсутствием состава преступления, правоприменитель должен установить наличие признаков состава преступления.

Оценка ситуации

Противоречивость и непоследовательность отражения теоретических познаний о составе преступления в законе и правоприменительной

практике, вне сомнения, заслуживает критической оценки. Давно пора навести порядок в этой области уголовного права.

Концепция реального состава в ее чистом виде предполагает, что состав преступления как набор минимально необходимых и, главное, достаточных для привлечения к уголовной ответственности элементов деяния устанавливается правоприменителем. Именно он решает, имеется или нет в каждом конкретном деянии состав преступления, сопоставляя элементы деяния с его описанием в законе и, что крайне важно, оценивая эти элементы как в отдельности, так и в совокупности с точки зрения того, представляют ли они достаточную общественную опасность для того, чтобы активировать механизм уголовной репрессии. При таком подходе закон вполне может восприниматься лишь в качестве некоего ориентира для принятия правоприменительного решения. Бремя признания деяния общественно опасным здесь лежит на суде.

Согласно нормативистской концепции состава (опять же в чистом виде), набор признаков, минимально необходимых и достаточных для характеристики деяния как преступного, устанавливается исключительно законом. Именно закон исчерпывающим образом описывает состав преступления. Задача правоприменителя — соотнести признаки реального деяния с признаками, установленными в законе; в случае их совпадения вывод о наличии основания уголовной ответственности формулируется автоматически и безоценочно. Оценка опасности деяния как основания ответственности в данном случае вынесена за рамки правоприменительной деятельности, в область принятия законодательного решения.

Сходство и различия концепций очевидны. И та и другая исходят из того, что состав преступления выражает собой совокупность достаточных (!) элементов или признаков (здесь это неважно), свидетельствующих о криминальном уровне общественной опасности деяния, которое этими признаками (элементами) обладает. Общественная опасность деяния и состав преступления неразрывно связаны; деяние, содержащее состав (или, иначе, отвечающее

²⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 02.07.2013 № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

²⁶ Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 44.

признакам состава), является достаточно опасным, чтобы признать его основанием уголовной ответственности. Другое дело — распределение полномочий между законодателем и правоприменителем в установлении основания ответственности. Концепция реального состава отдаст пальму первенства правоприменителю; он должен, установив наличие некоторых элементов, оценить деяние как опасное и признать за ним статус основания ответственности. Нормативистская концепция лишает правоприменителя полномочий по оценке; такая оценка до и вместо него выполняется законодателем, что сводит роль правоприменителя к установлению формального соответствия между деянием и составом.

Не будет большой натяжкой и ошибкой говорить на максимально высоком уровне о том, что концепция реального состава в большей степени тяготеет к началам социологической школы уголовного права и мало связана с формальным разделением властей; тогда как нормативистская концепция лучше сочетается с постулатами классической уголовно-правовой школы и жестким разграничением полномочий законодательной и судебной власти.

Между тем ни та, ни другая концепции не находят последовательного воплощения в современной правоприменительной практике. Сегодня складывается ситуация, когда общественная опасность деяния и состав преступления оказались не соотнесенными друг с другом. Состав преступления, по сути, замкнулся на таком признаке преступления, как противоправность²⁷. Однако установления противоправности деяния оказывается недостаточно для констатации общественной опасности деяния, а следовательно, и основания уголовной ответственности. Состав сегодня — минимально необходимый, но совершенно недостаточный для возложения уголовной ответственности набор признаков или элементов деяния. С одной стороны, следуя принципу законности, его функция стала «отсекательной»: то, что не

соответствует признакам состава преступления, не попадает в поле уголовно-правового регулирования. С другой стороны, вероятно в силу справедливости, формальное соответствие составу без признаков общественной опасности не позволяет рассматривать деяние в качестве основания уголовной ответственности.

Такое положение вещей сугубо из логических соображений может оказаться вполне приемлемым. Однако реализуемая на практике новая доктрина ставит принципиальный вопрос: где и какие расположенные за рамками состава преступления признаки деяния необходимо искать и учитывать для оценки деяния как общественно опасного? Где искать эту опасность, если опасности, отраженной в составе преступления, не всегда достаточно или всегда недостаточно?

Полагаем, что как минимум четыре подхода здесь можно предложить:

— первый: возобновить дискуссию о том, что общественная опасность деяния выступает отдельным, самостоятельным признаком состава преступления. Информационный повод к актуализации этого вопроса дает одно из недавних решений Президиума Верховного Суда РФ. В нем отмечается: «Совершенное деяние, посягающее на охраняемые законом права собственности, характеризующееся умышленной формой вины и корыстной целью, содержит все признаки состава преступления, включая его общественную опасность и противоправность»²⁸. Эта фраза востребована и в решениях кассационных судов²⁹. Сразу отметим, что едва ли такой подход будет правильным. Признак общественной опасности как признак преступления надо будет наполнять каким-то содержанием, которое с неизбежностью будет либо дублировать, либо конкретизировать известные объективные и субъективные признаки преступления, уже зафиксированные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ³⁰;

— второй: криминальную опасность деяния сто́ит устанавливать, не ориентируясь фор-

²⁷ См.: *Иванчин А. В.* Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Проспект, 2014.

²⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. (постановление Президиума Верховного Суда от 12.04.2023 № 5-П23) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.

²⁹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2024 по делу № 77-2455/2024 (УИД 21RS0024-01-2023-003577-02).

³⁰ О неприемлемости признания опасности отдельным признаком состава писал еще А. Н. Трайнин (*Трайнин А. Н.* Указ. соч. С. 60).

мально на признаки состава, а исследуя степень выраженности этих признаков в каждом конкретном деянии;

— третий: криминальную опасность деяния необходимо устанавливать, принимая во внимание не только признаки, включенные законодателем в состав, но и иные, в том числе относимые к обстоятельствам, отягчающим и смягчающим уголовное наказание, при условии что эти признаки характеризуют исключительно само совершенное деяние;

— четвертый: в оценке криминальной опасности деяния нужно учитывать не только признаки самого деяния (включенные либо не включенные в состав), но и обстоятельства, характеризующие личность виновного, контекст совершения деяния, поведение лица до и после совершения деяния.

При любом из предложенных подходов предполагается известная степень активности правоприменителя в установлении основания уголовной ответственности, причем активности, состоящей в оценке конкретного деяния. Как бы ни был решен вопрос с выбором тех обстоятельств, которые правоприменитель должен учитывать при оценке опасности деяния (к слову сказать, исповедуя контекстуальность общественной опасности, необходимо допустить учет самого широкого круга факторов, предписываемый четвертым из изложенных подходов³¹), появляются две проблемы принципиального свойства.

Первая: на ком лежит бремя доказывания наличия общественной опасности у деяния, формально соответствующего признакам состава преступления, и из какой презумпции исходить в данной ситуации?

Если предположить презумпцию неопасности деяния, содержащего все признаки состава преступления, то это полностью подорвет конституционные и принципиальные основы уголовного права и будет противоречить презумпции легитимной и добропорядочной деятельности парламента. Такая презумпция недопустима и не подлежит обсуждению. Рассуждая над проблемой, А. В. Иванчин пишет, что опасность деяния, соответствующего составу преступления, презюмируется, но презумпция эта

опровержима; общественную опасность нужно специально устанавливать лишь в ситуации, когда возникает вопрос: а имеется ли она или же нет³². Однако если исходить из презумпции опасности деяния, содержащего признаки состава, надо предположить, что в пограничных ситуациях следует доказывать отсутствие опасности. На ком лежит бремя доказывания? Едва ли субъектом доказывания неопасности станут представители стороны обвинения в уголовном процессе. Конституционность же возложения бремени доказывания отсутствия опасности на самого обвиняемого также весьма сомнительна, поскольку содержательно она сопоставима с доказыванием собственной невиновности.

Вторая принципиальная проблема — безграничное расширение пределов судейского усмотрения в решении вопроса об установлении основания уголовной ответственности, что чревато нарушением принципов законности и равенства граждан. В уголовно-политическом и широком — конституционном контексте это будет к тому же сопряжено с таким прочтением принципа разделения властей, которое едва ли соответствует стандартам конституционного государства.

Можно заключить, что попытка сведения функции состава преступления исключительно к выражению признака уголовной противоправности и возложения на правоприменителя функции оценки общественной опасности деяния в целях установления основания уголовной ответственности не является обоснованным решением. Оно противоречит обеим концепциям состава преступления и конституционным началам уголовно-правового регулирования.

Перспективы

Итак, необходимо упорядочить и унифицировать представления о составе преступления и основании уголовной ответственности в уголовно-правовой теории, уголовном законодательстве и практике его применения.

Есть одно допустимое решение этой проблемы. И здесь исходным пунктом является возвращение составу преступления его истин-

³¹ См., например: Рыбак А. З. Преступность общественно опасных деяний с учетом поведения лица до, во время и после их совершения: правоприменительный аспект // Юрист-Правоведъ. 2012. № 6. С. 42–45.

³² Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.

ного предназначения: служить средством выражения, закрепления общественной опасности преступления, причем опасности минимально достаточной для установления основания уголовной ответственности. Стоит также помнить, что «криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, — такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления»³³.

Отталкиваясь от такого понимания состава, необходимо провести работу по законодательной корректировке признаков составов преступлений таким образом, чтобы судебная практика не «додумывала» эти признаки, пытаясь легитимировать применение мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим действительно общественно опасные деяния. Признаки состава преступления могут и в ряде случаев должны быть детализированы, конкретизированы, дополнены непосредственно законодателем.

Устранение правоприменителя от работы по оценке опасности деяния на этапе установления состава преступления позволит четко разграничить функции парламента и суда в определении факта наличия основания уголовной ответственности.

Это вовсе не означает, что суд полностью лишается оценочных функций. Оценка общественной опасности деяния на правоприменительном уровне смещается на иной организационный этап, а именно на этап решения вопроса о том, необходимо ли реализовать уголовную ответственность в отношении лица, чьи действия содержат состав преступления, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, в каком объеме и в какой форме эта ответственность должна быть реализована. Такое смещение не будет означать повторной оценки одного и того же предмета. Как отмечалось, состав

преступления содержит минимально необходимое и достаточное для установления основания ответственности, но далеко не полное описание признаков преступления. За рамками состава имеется широкий круг обстоятельств, которые могут влиять на параметры оценки общественной опасности преступления.

Ответственности за совершение деяний, запрещенных уголовным законом, подлежит конкретное лицо. Поэтому оценка опасности преступления на уровне принятия решения о реализации уголовной ответственности — вполне самостоятельный элемент судебной практики рассмотрения уголовных дел. Оценка должна проводиться с учетом того, что категория общественной опасности контекстуальна и в силу своей контекстуальности изменчива. Только оценив все обстоятельства события преступления, включая личность виновного, личность потерпевшего, причины и условия совершения преступления, обстановку его совершения, постпреступное поведение виновного и т.д., суд может вынести справедливое решение относительно ответственности.

Но еще раз подчеркнем: это решение не о наличии основания ответственности, а о возможности освобождения от ответственности при наличии основания, о мерах и формах воздействия на лицо, совершившее преступление. В связи с этим, кстати, имеются основания для пересмотра правовой природы малозначительного деяния и перевода его в разряд оснований освобождения (возможно, императивного) от уголовной ответственности.

Развитие идей процессуальной экономии при таком понимании соотношения опасности деяния и состава преступления не препятствует обсуждению вопроса о внедрении в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения принципа целесообразности уголовного преследования³⁴. Прокуратура, как писал еще Н. В. Муравьев, имеет полное и законное право в государственном или общественном интересе оставлять без судебного преследования известные формально преступные факты, поскольку «принцип целесообраз-

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П.

³⁴ См. об этом, например: Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003 ; Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010 ; Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

ности предполагает наличие у обвинительной власти права усмотрения при осуществлении уголовного преследования. Будучи стороной в деле, обвинительная власть имеет право ставить вопрос не только о законности, но и целесообразности уголовного преследования; свободно распоряжается преследованием»³⁵.

Заключение

Общественная опасность необходима как критерий оценки деяний, заслуживающих уголовно-правовой репрессии. Без нее создать нормальный, работающий уголовный закон невозможно.

Проблематика общественной опасности должна анализироваться за пределами догматики уголовного права в контексте уголовной социологии, уголовной политологии и криминологии.

Конструирование состава преступления должно быть таким, чтобы зафиксированные в законе его признаки адекватно отражали опасность деяния, с которым стоит бороться сред-

ствами уголовного закона. С этой точки зрения нуждается в пересмотре едва ли не весь Уголовный кодекс РФ.

Применение уголовного закона не может осуществляться в постоянном сомнении относительно опасности криминализированных деяний. Если в деянии есть состав преступления (в рамках концепции реального состава) или если деяние отвечает всем установленным в законе признакам состава преступления (в рамках нормативистской концепции), то такое деяние должно признаваться общественно опасным и тем самым выполнять функцию основания уголовной ответственности.

Наличие основания уголовной ответственности не предрешает вопроса о том, необходимо ли и если да, то в каком объеме реализовывать предусмотренные законом ограничения, связанные с возложением бремени ответственности. Поэтому проблемы адекватного реагирования на опасные и уголовно-противоправные деяния могут быть решены либо через развитие института освобождения от уголовной ответственности, либо через внедрение принципа целесообразности уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.
- Глинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетей, 2024. 242 с.
- Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: современные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.
- Жилкин М. Г., Качалов В. В., Раненкова Е. А. Судебная практика квалификации кражи в незначительном размере как малозначительного деяния // Уголовное право. 2022. № 12. С. 10–20.
- Иванчин А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике // Российский следователь. 2022. № 5. С. 64–66.
- Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Проспект, 2014. 352 с.
- Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 203 с.
- Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. М. : Юрлитинформ, 2018. 752 с.
- Козлов А. П. Понятие преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. 819 с.
- Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2012. № 4. С. 26–43.
- Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 6. С. 15–28.
- Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
- Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М. : Городец, 2007. 336 с.

³⁵ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. : Унив. тип., 1889. С. 18–20.

Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 34 с.

Лопашенко Н. А. Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 127–138.

Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 148–155.

Мирошниченко Д. В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex russica. 2024. Т. 77. № 10. С. 59–76.

Михайлов В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40–44.

Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурорской службы. Т. 1. М. : Унив. тип., 1889. 552 с.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девiantiологический журнал. 2021. № 1. С. 137–150.

Рыбак А. З. Преступность общественно опасных деяний с учетом поведения лица до, во время и после их совершения: правоприменительный аспект // Юрист-Правовед. 2012. № 6. С. 42–45.

Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 417–423.

Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. 185 с.

Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York : Oxford University Press, 2008. 248 p.

REFERENCES

Apostolova NN. Expediency (discretion) in Russian criminal proceedings. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2010. (In Russ.).

Glinsky YaI. Criminology and deviantology of the post-modernity. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2024. (In Russ.).

Golovko LV. Alternatives to criminal prosecution as a form of procedural differentiation: Current development trends. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2003. (In Russ.).

Husak D. Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law. New York: Oxford University Press; 2008.

Ivanchin AV. Again, on the fundamental importance of the correct interpretation of the norm of insignificance (Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation) in investigative and judicial practice. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2022;5:64-66. (In Russ.).

Ivanchin AV. Constructing the corpus delicti: Theory and practice. Kruglikov LL, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).

Kovalev MI. The concept of crime in Soviet criminal law. Sverdlovsk: Ural University Publishing House; 1987. (In Russ.).

Kozlov AP. The author's course on criminal law. General Part. Book 1. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2018. (In Russ.).

Kozlov AP. The concept of crime. St. Petersburg: Yuridichesskiy Tsentr-Press Publ.; 2004. (In Russ.).

Krylova NE. Discussion questions of the doctrine of the component elements of a crime. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo [The Moscow University Herald. Series 11, Law]*. 2012;4:26-43. (In Russ.).

Krylova NE. Material, formal and truncated crimes: Ongoing Discussion. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo [The Moscow University Herald. Series 11, Law]*. 2017;6:15-28. (In Russ.).

Kudryavtsev VN. The objective side of the crime. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. (In Russ.).

Kuznetsova NF. The Problem of Crime Classification: Lectures for the Option Course 'The Basics of Crimes Classification'. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).

Larina AV. Discretionary powers of the prosecutor in pre-trial proceedings in Russia and other CIS countries (comparative legal study). The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Lopashenko NA. Public danger of the act: Is verification impossible? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):127-138. (In Russ.).

Martsev AI. Public harmfulness and public danger of crime. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2001;4(237):148-155. (In Russ.).

Mikhailov V. Enforcement of the law as a circumstance excluding criminality of an act. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2007;1:40-44. (In Russ.).

Miroshnichenko DV. Theoretical and methodological justification of the public danger of an act in criminal law. *Lex russica*. 2024;77(10):59-76. (In Russ.).

Muravev NV. Prosecutor's supervision in its structure and activities: The Prosecutor's Office in the West and in Russia. A manual for the prosecutor's office. Vol. 1. Moscow: Univ. tip. Publ.; 1889. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Babaev MM. Problems of production and turnover of criminological information. *Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal*. 2021;1:137-150. (In Russ.).

Rybak AZ. Criminality of socially dangerous acts, taking into account the behavior of a person before, during and after their commission: A law enforcement aspect. *Yurist-Pravoved*. 2012;6:42-45. (In Russ.).

Smirnov AM. On the definition of the concept of «crime» in the Criminal Code of the Russian Federation. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2018;12(3):417-423. (In Russ.).

Traynin AN. The doctrine of the body of the crime. Moscow: Yurid. izdat. Minyusta SSSR Publ.; 1946. (In Russ.).

Zhilkin MG, Kachalov VV, Ranenkova EA. Judicial practice of classifying a petty theft as an insignificant act. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2022;12:10-20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Moscow, Russian Federation
11081975@list.ru

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 08.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.